

Reviews Рецензии

DOI 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1081-1102
УДК 930.1

Рецензия
Review

**[Рец. на кн.:] Дж. Даймонд, Дж. Робинсон (ред.)
Естественные эксперименты в истории.
М.: АСТ, 2018. – 352 с.**

Л. С. Перепелкин

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-2011>; e-mail: leonethnography@yandex.ru*

**[Review on] Diamond J., Robinson J.A (eds.)
Natural experiments of history.
N.Y.: Harvard University Press, 2010. – 352 p.**

L. S. Perepiolkin

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-2011>; e-mail: leonethnography@yandex.ru*

В англоязычной классификации история относится к разряду *arts*, тогда как «естественные» науки – к разряду *sciences*. Это означает, что одни науки пользуются, а другие не пользуются экспериментальными методами. И действительно, эксперимент в истории кажется невозможным, так же, как нельзя повернуть вспять ход истории. Но усилиями многих поколений историков эта наука стремится перейти в разряд *sciences*, то есть науки более точной и менее основанной на интуиции, чем, например, искусствоведение. Подобные попытки осуществлялись не впервые, если вспомнить развитие количественных методов в истории. Данная книга, на мой взгляд, представляет важный этап в превращении исторической науки из *art* в *science*.

Книга написана преимущественно американскими исследователями (лишь один из авторов представляет Новую Зеландию). Я не знаю, как формировался авторский коллектив, но произошло весьма удачное сочетание различных тематик, общей идеи и методологии – под одной обложкой. Не буду приводить здесь все темы, затронутые в этом сборнике (?) монографии (?). Жанр своей работы сами авторы точно не опреде-

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

лили: начинается она с Пролога, а заканчивается Эпилогом, как литературное произведение. Следует отметить, что наиболее известным в России из авторского коллектива является Джаред Даймонд, три книги которого опубликованы на русском языке и вызвали большой интерес читателей. Хотя его коллега по книге и по редакции, Джеймс Робинсон, тоже знаком русским читателям.

Книга тем интересна, что она основана на материалах обеих Америк, Европы, Азии, Африки, Азии и Океании, то есть всех уголков мира и континентов. Но в данной рецензии я не собираюсь пересказывать всю книгу, хотя каждая глава информативна и в высокой степени интересна. Я ограничусь анализом одной из глав, более других связанной с Востоком, а также попытаюсь представить читателю авторскую методологию.

* * *

Автор первого раздела Патрик В. Керч, сотрудник Калифорнийского университета в США, назвал исследуемую тему «Контролируемое сравнение и полинезийская культурная эволюция» (с. 24–70). Автора в первую очередь интересовал вопрос, почему по-разному сложилась историческая судьба трех родственных полинезийских сообществ Восточной Полинезии: Мангаиа, Маркизские острова и Гавайи. Они существовали изолированно до XVIII в., «и все же сообщества, которые видел на этих островах капитан Кук во время своих знаменитых плаваний, оказались на удивление разными» (с. 35).

Кука поразило, что люди, живущие в тысячах километрах друг от друга и говорящие на родственных языках (вероятно, этнические родственники), столь сильно различаются. Говоря о сути своего исследования, Керч пишет, что сравнение «имеет критически важное значение для любой исторической дисциплины, в том числе и исторической антропологии» (с. 28), а «Полинезия представляет нам замечательную возможность для проведения сравнительного анализа социальных и культурных изменений в группе исторически родственных народов» (с. 29). Но здесь есть одно общее замечание: «Более поздние общества и их потомков можно сравнить между собой, взяв те аспекты их культур, которые явно унаследованы от группы прародителей, и противопоставив их новым, самостоятельно возникшим чертам» (с. 29).

По мнению археологов, исконная территория расселения полинезийцев находилась в Западной Полинезии, в районе Тонга-Самоа, предками нынешних полинезийцев стали представители культуры лапита приблизительно 900-х гг. до н.э. Здесь развивались предковый язык и культура, а дифференциация полинезийцев произошла приблизительно в I тыс. н.э. в результате миграций. Как пишет автор, особенность его метода составляет использование «триангуляций», т.е. реконструкция предковых общественных и культурных форм с использованием разных

свидетельств (с. 33). Поэтому первые переселенцы на Мангаиа, Маркизских и Гавайских островах имели общий набор культурных представлений о социальных и политических структурах (с. 35).

Но результаты через тысячу лет после расселения и на момент посещения капитана Кука были абсолютно разные. Далее будет большая цитата: «Политическая организация острова Мангаиа представляла собой относительно небольшое вождество, в котором система власти имела открыто военизированный характер. Маркизские острова были разделены между несколькими независимыми племенами; там часто происходили набеги и стычки, но о достижении какой-то политической гегемонии в масштабах архипелага речи не шло. На Гавайях утвердились несколько крупных соперничающих социальных образований, каждое из которых занимало один или несколько островов, а их политическую организацию можно было охарактеризовать как зарождающееся “архаическое государство”» (с. 35). Это, т.е. разные пути развития при общих исходных посылах, и заинтересовало автора.

Продолжаю цитату: «Предковые полинезийские общества... принципиально основывались на идее “домоцентричных” социальных групп... Вместо опоры на абстрактное понятие “рода”... смена поколений в таких обществах организована вокруг одного или нескольких групповых жилищ и земельных участков, привязанных к этим жилищам. <...> Люди относят себя к тому или иному “дому” (в протополинезийском языке такие дома назывались *kaainga) по праву рождения, но могут и выбрать место жительства. <...> Еще одна – более масштабная – социальная группа называлась *kainanga и состояла из всей совокупности отдельных домовых групп... и их владений в пределах определенной географической области». Светский и религиозный лидер подобного сообщества носил титул *gariki (он руководил вместе с советом старейшин). Правда, следует отметить, что в предковой группе полинезийцев были и другие фиксированные социальные роли и статусы: ремесленников, воинов, мореходов (с. 36–37). Такой была реконструирована изначальная социальная структура полинезийских мигрантов. При этом археологические раскопки показывают, что в протополинезийском обществе (ППО) почти нет никаких следов социальной иерархии (с. 38), иными словами, это сообщество было преимущественно эгалитарным. Естественный вопрос автора: под действием каких причин общая матрица изменилась в результате расселения?

П. В. Керч приводит разные объяснения несходства векторов социальной эволюции в этих пунктах Полинезии. Важнейший из них – обусловленный местными географическими условиями экологический фактор. Остров Мангаиа, небольшой по своим размерам, во времена Кука имел население около 5 тыс. человек, живших небольшими деревушками. Характер этого сообщества, представлявшего собой систему вождеств,

был крайне военизирован. Важнейшим источником пресной воды для ирригационного земледелия были дожди, и отдельные общины сражались за овладение ирригационными каналами. Белковая пища также была ограничена тихоокеанской малой крысой и постоянно истощающимися морскими ресурсами; практиковался и каннибализм (ограничение белковой пищи произошло после истребления завезенных сюда первыми поселенцами свиней, которые конкурировали за растительную пищу с людьми) (с. 39–42). Резюмируя эту часть своей работы, автор сделал вывод, что «...общество Мангаиа развивалось в рамках эволюционной модели, находившейся под мощным давлением относительно ограниченного экологического потенциала...». Это обстоятельство «...неизбежно привело к возникновению общества, основанного на терроре и военном управлении» (с. 42).

Маркизские острова (численность населения на момент открытия – от 50 до 100 тыс. человек) омываются холодным течением Гумбольдта, которое препятствует росту кораллов и, соответственно, морской фауны. Здесь периодически наступают засухи, которые мешают сохранению урожая хлебного дерева на срок более одного-двух лет, что влечет голод. Население островов было разделено на ряд независимых и постоянно враждующих между собой политических групп, а основной социальной единицей, вокруг которой строилось доконтактное общество Маркизских островов, было племя. Интересно, что наибольшим влиянием в этих сообществах пользовались не потомственные предводители (*haka'iki*), а «медиумы» (*Tau'a*), они «...проводили большинство важнейших ритуалов, на которых строился годовой цикл, решали, когда следует начать войну или совершить набег на соседние племена, и отвечали за проведение крупных празднеств, которые требовали человеческих жертвоприношений» (с. 45; жертв, конечно, съедали). О наличии на Маркизах серьезного социального расслоения свидетельствует найденная здесь монументальная архитектура.

Основу хозяйства жителей Маркизских островов составляли культивация базовых сельскохозяйственных культур (хлебное дерево и таро), свиноводство и эксплуатация ограниченных морских ресурсов. Крахмалистая масса хлебного дерева в некоторых хранилищах могла продержаться достаточно долго, но неизбежно наступала засуха и вслед за ней – голод и войны между соседями (с. 46). Описывая маркизское общество, автор подчеркивает: «...поражает именно тот факт, насколько эндемичным для него стали набеги и войны, тесно связанные с годовым циклом пиршеств и ритуальным каннибализмом...» (с. 46). При этом «...географическая неоднородность и топографическая изоляция маркизских долин способствовали политической разрозненности» (с. 47). Кроме того, на Мангаиа и Маркизах доминировали разные сельскохозяйственные культуры: таро и хлебное дерево.

Гавайский архипелаг гораздо крупнее двух предыдущих полинезийских земель и включает восемь крупных и множество мелких островов. В момент прибытия Дж. Кука в 1779 г. он обнаружил здесь «не только самое многочисленное население... Полинезии, но и общество, которое совсем недавно претерпело коренные преобразования». «Правящие дома Мауи и Гавайи властвовали над подданными численностью от шестидесяти до ста тысяч человек». Происшедшие изменения привели к тому, «что гавайская ветвь полинезийского культурного древа стала резко выделяться среди своих родственных культур» (с. 50).

Часть островов – «молодые», т.е. находятся в зоне тектонической активности, но в большинстве своем это «старые» острова, то есть уже подвергнувшиеся эрозии почв (с. 50). По этой и по другим причинам обеспеченность ресурсами на архипелаге сильно различается. При этом часть островов имеет систему постоянных рек, а другие зависят в первую очередь от осадков.

Сельское хозяйство базируется здесь в первую очередь на производстве батата и таро, а также на некоторых второстепенных сельскохозяйственных культурах. Кроме того, в районе коралловых рифов старых островов было возможно существенное извлечение морских богатств, а также рыбоводство (сеть рыбных прудов). Производство и потребление пищевых ресурсов полностью зависело от топографии. Кроме того, здесь ирригационные работы возможны на сравнительно ограниченных территориях, а большая часть крахмалосодержащих растений выращивалась на склонах возвышенностей (неорошаемых полей). «Эти две различные системы сельскохозяйственного производства... предполагали различные пути интенсификации сельского хозяйства, а также различные объемы излишков производства и разную степень опасности для окружающей среды» (с. 51, 52). Эта система предполагала обильные урожаи, появление значительных излишков продовольствия и рост населения.

Главными двигателями социальной эволюции были более молодые острова Мауи и Гавайи, сельское хозяйство которых опиралось на неорошаемое земледелие. В результате местной экономической ситуации «на обоих островах началось постоянное соперничество за право контроля над территорией... Подобная территориальная конкуренция...» и породила крупных военачальников, которые сменили политическое устройство островов с вожества на королевство (с. 53). В результате была подвергнута кардинальным изменениям социальная структура и культурная система Гавайев.

Автор приводит в качестве примера целую совокупность таких изменений по сравниваемым объектам, которые здесь описывать нет необходимости (с. 54–63). Однако приведенные примеры и авторские аргумен-

ты показывают, что важнейшим стимулом трансформации были разные условия среды обитания, то есть экологический фактор.

Основной методологический вывод П. В. Керча: чтобы понять движущие силы социальной эволюции, «требуется тщательно разработанный метод контролируемого сравнения. Только опираясь на мощь такого сравнительного анализа, возможно с некоторой степенью достоверности определить, какие особенности определенного этнографически документированного общества повторяют более старый предковый культурный образец, а какие представляют собой новации. Различение гомологичных и аналогичных черт является первым необходимым шагом к более глубокому пониманию процессов исторических перемен» (с. 64).

* * *

Эта рецензия связана в первую очередь с методологическими возможностями, которые продемонстрированы коллективом авторов, но я решил показать их только на одном приведенном выше сюжете. Далее я попытаюсь обобщить некоторые выводы, связанные с естественными экспериментами в истории, стараясь не конкретизировать. Одно из этих обобщений сделано выше.

Начну с самокритики авторов: «...Есть риск, что результаты будут зависеть от некоторых дополнительных факторов, которые “экспериментатор” не позаботился принять во внимание; возможно также; что по-настоящему важными окажутся какие-то другие факторы, которые просто коррелируют с рассматриваемыми, а не сами эти последние. <...> Но не менее сложны и проблемы, которыми сопровождается проведение управляемого лабораторного эксперимента или нарративных исследований, не использующих сравнительный анализ» (с. 8–9). Так как я много лет занимался эмпирическими социологическими исследованиями, могу подтвердить выводы авторов о том, что трудно выделить доминирующий фактор, влияющий на социальные процессы, и что обязательно нужно сравнение полученных из разных источников данных.

Далее в «Прологе» описываются трудности в подходах исследователей – по каждой главе. Приведу общие выводы: «Среди этих трудностей – эксперименты, в которых фигурируют либо различные возмущающие факторы, либо различные начальные условия; “выбор” регионов, подвергнувшихся возмущению; отложенное во времени проявление последствий возмущения; проблемы в установлении причинно-следственной связи по наблюдаемым статистическим корреляциям – например, обратная каузальность, искажение опущенной переменной и лежащие в их основе механизмы; попытки избежать чрезмерного упрощения и, наоборот, чрезмерного усложнения объяснений; “операционализация” неясных феноменов (например, измерение и другие исследования счастья);

роль квантификации и статистики; а также напряжение между узкими тематическими исследованиями и широкими обобщениями» (с. 21)¹.

Взглянем теперь на «Эпилог». Важно отметить, что общества различаются между собой по множеству факторов, и «нет двух человеческих систем, которые бы отличались друг от друга по тому признаку, поведение которого исследователь желает рассмотреть» (с. 328). Иными словами, в общественной эволюции можно выделить доминирующий фактор, но действует он в совокупности с другими факторами. При этом авторы классифицируют естественные эксперименты по двум критериям: в одном случае различия между группами возникают на стадии возмущения, а во втором – в начальных условиях (с. 328–329). При этом авторы отмечают (на других примерах), что при всех различиях двух указанных факторов конечные результаты социального процесса могут быть весьма схожи как «результат сходной динамики роста» (с. 333).

Авторы приводят разные интерпретации «возмущений» и «различий в начальных условиях». Однако исследователи предупреждают от скоротечных выводов, от «риска неправильной интерпретации»: «...при изучении естественных экспериментов встает вопрос, действительно ли различные наблюдаемые результаты связаны с теми различиями в возмущениях или начальных условиях, которые заметил “экспериментатор”, или же они обусловлены каким-либо другим отличием» (с. 337). Иными словами, для современных исследователей социальной эволюции в ее естественных проявлениях и причинах авторы задают творческий вектор.

* * *

Я остановил свое внимание на этой книге потому, что и сам я немного занимаюсь проблемой социальной эволюции. Более того, многие мои коллеги занимаются тем же самым, об этом не подозревая. Как мне кажется, заметная часть наших ученых сосредоточены на узкоконкретных проблемах и не обращают внимания на то, что они являются частью всемирного социально-исторического процесса познания истории. По-моему, зарождающиеся научные методики, тем более что они доступ-

¹ Здесь надо прокомментировать некоторые части высказывания и понятия, которые редко встречаются в исторических исследованиях. Возмущающие факторы – это наиболее значимые и даже часто экстремальные факторы, влияющие на фактуру социальных процессов. Обратная каузальность – негативная причинно-следственная связь. Опущенная переменная – параметр, взятый при социолого-статистическом исследовании, но учитываемый недостаточно. «Операционализация» неясных феноменов – это придание наиболее общему понятию критериев, которые могут быть использованы при статистическом анализе. Квантификация – это членение понятия на приблизительно равные «участки» наподобие натурального ряда чисел.

Перепелкин Л. С. [Рец. на кн.:] Дж. Даймонд, Дж. Робинсон (ред.).
Естественные эксперименты в истории. М.: Изд-во АСТ, 2018. – 352 с.
Ориенталистика. 2019;2(4):1095–1102

ны на русском языке, помогут вдохновить некоторых наших коллег на новое отношение к объектам своих исследований.

И последнее: книга очень интересна, и читать ее одно удовольствие. И в ней гораздо больше теоретического и фактического материала, чем тот, который я сумел изложить в рецензии.

Ключевые слова: ахаическое государство; вождество; Джаред Даймонд (р. 1937); Джеймс Робинсон (р. 1960); каннибализм; метод контролируемого сравнения; социальная эволюция; экологический фактор; эксперимент в истории

Keywords: cannibalism; chieftdom; comparison, controlled, method of; Diamond, Jared (npr. 1937); ecology, factor of; evolution, social; history, experiment in; Robinson, James (npr. 1949); state, archaic

Для цитирования: Перепелкин Л. С. [Рец. на кн.:] Дж. Даймонд, Дж. Робинсон (ред.). Естественные эксперименты в истории. М.: Изд-во АСТ, 2018. – 352 с. *Ориенталистика*. 2019;2(4):1095–1102. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1095-1102.

For citation: Perepiolkin L. S. [Review on:] Ed. by Jared Diamond and James A. Robinson. Natural Experiments of History. Harvard University Press, 2010. 352 p. *Orientalistica*. 2019;2(4):1095–1102. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1095-8161102.

Информация об авторе

Перепелкин Лев Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Lev S. Perepiolkin, Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Centre of Central Asia and Caucasus, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 октября 2019 г.
Одобрена рецензентами: 22 октября 2019 г.
Принята к публикации: 25 октября 2019 г.

Article info

Received: October 2, 2019
Reviewed: October 22, 2019
Accepted: October 25, 2019